

Охота за богатством

Автор:

Наталия Антонова

Охота за богатством

Наталия Николаевна Антонова

Уютный детективЧастный детектив Мирослава Волгина #25

Уютный детектив от Наталии Антоновой радует своих читателей захватывающей историей, поставившей в тупик самого следователя Наполеонова. К счастью, детективы Мирослава и Морис всегда готовы погрузиться в расследование, а, значит, читателей ждет приятное время за книгой с любимыми героями, которые сделают ваш вечер особенно интересным!

Следователь Наполеонов получает звонок – убита молодая женщина возле своего дома. Алиби нет у мужа и его арестовать проще всего, но точно ли он виновник трагедии? В замешательстве Наполеонов отправляется к своим друзьям-детективам Мирославе и Морису, которым по плечу любые загадки... В это же время к Мирославе обращается сестра подозреваемого с просьбой расследовать это дело. Теперь сыщице и ее напарнику не остается ничего другого, как найти убийцу. И чем сильнее детективы погружаются в это дело, тем больше скелетов находят в шкафу жертвы, а значит и мотивов для преступления...

Наталия Николаевна Антонова

Охота за богатством

© Антонова Н.Н., 2023

Ещё совсем недавно небо радовало яркими проблесками солнца. В воздухе разливался аромат мимоз, и сердцу легко верилось, что на пороге не только календарная, но и настоящая весна. Пробуждение, воскрешение природы. Может быть, были правы наши древние предки, которые встречали Новый год в марте. Первые проталинки, первые лужицы, похожие на осколки солнечных зеркал. Вот-вот – и можно будет сбросить с плеч зимнюю одежду. Однако у капризного марта переменилось настроение, и старуха зима, совсем уже было углубившаяся в лес, где ещё лежал нетронутый снег, решила присесть на дорожку. И город застыл в ожидании. Видно, не зря говорят, что «март не весна, а предвесенье». Всего лишь намёк на весну.

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Заледенелые снежинки, подгоняемые ветром, точно рой злых ос беспощадно жалили лица припозднившихся прохожих.

На газонах ёжились обнажённые деревья и только ели сохраняли спокойствие и при свете ночных фонарей напоминали ночную стражу, патрулирующую улицы, бульвары и переулки...

Следователь Александр Наполеонов в этот поздний вечер, а вернее, уже начавшуюся ночь тоже находился на службе, на дежурстве.

В помещении было тепло и уютно. Пахло кофе, который щедро разлил в стаканчики эксперт Афанасий Незовибатько.

Его жена Оксана варила отменный кофе и от души наполняла им огромный термос мужа.

Наполеонов взял свой стаканчик и сел за пульт оперативного дежурного.

– Хорошо, если б сегодня ничего не произошло, – проговорил молодой фотограф Валерьян Легкоступов, который, отогнув краешек портьеры, выглядывал в окно. – На улицу даже нос высовывать не хочется.

– Хотелось бы надеяться, – пробасил Незовибатько, – что твои пожелания сбудутся.

– Вам бы обоим не в полиции работать, а вести курсы по релаксации, – пробурчал Наполеонов.

– Это ещё почему? – удивился Легкоступов.

– Оптимизм у вас зашкаливает, – пояснил следователь.

– Без оптимизма на нашей работе загнуться можно в два счёта, – внёс свою лепту в спор судмедэксперт Зуфар Раисович Илинханов.

– Вот-вот! – обрадовался его поддержке Валерьян.

– Ну-ну, – усмехнулся следователь, поставил на стол опустевший стаканчик из-под кофе и подпёр голову руками.

Мысленно он пытался ответить на вопрос, зачем Легкоступов устроился работать в полицию. Фотограф он был, конечно, классный. Но ему бы не места преступлений фотографировать, а моделей там всяких или хотя бы... памятники старины. А то его фотографии своей высокой художественностью грозили довести до сердечного приступа не одного сотрудника правоохранительных органов.

Вот, например, зачем он осенью в прошлом году заснял на теле убитой девушки лепесток георгина? Сам Легкоступов утверждал, что лепесток там был и он тут ни при чём. Но зачем было снимать лепесток так, что от него трудно оторвать

глаз?!

Или на прошлой неделе, фотографируя удушенного мужчину, он заодно сфотографировал и кусочек пейзажа – ветки осины и пронзительно-голубое небо. Неужто нельзя было обойтись без этой красоты?

Наполеонов вздохнул и посмотрел на оперативника Ахметова, безмятежно сидящего в углу и читающего детектив, как будто ему на работе криминала не хватало.

Старший лейтенант Дмитрий Славин погрузился в изучение новинок каталога художественной галереи «Вишнёвой рощи». Можно было подумать, что не он сам приложил руку к его составлению. Художественная галерея принадлежала Славину-старшему, и Дмитрий в свободное время помогал отцу чем мог.

Незаметно для окружающих Наполеонов вздохнул.

И в это время Аветик Григорян, как всегда разгадывающий кроссворды, задал вопрос, который ни к кому конкретно не был обращён: – «Самое свирепое млекопитающее»?

– Человек, – не задумываясь ответил Наполеонов.

Аветик склонился над кроссвордом, а потом, покачав головой, сказал:

– Нет, не подходит.

– Может быть, крокодил? – предположил, задремавший было стажёр Артём Надеждин и тут же задал вопрос всем присутствующим: – Кто-нибудь знает, есть у крокодила молочные железы или нет?

В ответ ему прозвучал раскатистый смех.

– О! Подходит! – обрадовался Аветик.

– Крокодил относится к отряду водных позвоночных. И мать не кормит детёнышей молоком! – рявкнул Наполеонов.

– А чем она их кормит? – заинтересовались оперативники.

– Ничем. Они сами заботятся о своём пропитании.

– Хорошо, однако, устроились крокодилы, – вздохнул кто-то, – а тут твоя своё потомство чуть ли не до пенсии.

– Хорошо, если до своей, – хмыкнул Незовибатько, – а то некоторые опекают детишек до их пенсии.

В это время резко прозвучал звонок на пульт оперативного дежурного.

Наполеонов поднял трубку, а все присутствующие сотрудники невольно замерли в ожидании.

– Алло, алло! – прокричали в трубку. – Приезжайте скорее на угол Новопромышленной! Тут за углом девушку зарезали!

– А вы кто?

– Я Лёничик!

– Какой ещё Лёничик?! Имя, отчество, фамилия!

– Федотов я! Приезжайте, ради бога, скорее! Мне же страшно! – дальше короткие гудки.

Наполеонов чертыхнулся и распорядился:

– Группа на выезд.

Водитель еле успел затормозить, когда прямо под колёса полицейской машины бросилась худенькая фигура в чём-то тёмном.

Наполеонов первым вышел из салона.

- Это вы Федотов? – Он внимательно разглядывал долговязого парня, скорее подростка, чем юношу.
- Я! – Парень слегка покачнулся и тут же облокотился на руку следователя.
- Рассказывай, что случилось?
- Девушка! Она там! Я шёл! И она шла. А он подбежал и ударил её ножом.
- Как догадался, что ножом?
- Увидел! – И махнул рукой: – Она во дворе! Там светло.
- Ты подходил к ней?
- Нет!
- Откуда же знаешь, что её убили.
- Я видел, как её два раза ткнули ножом!
- Она может быть ранена.
- Нет! – Парень облизал губы. – Хотя не знаю. Просто я подумал...
- Кто её ударил?
- Не знаю. Мужик какой-то.
- Сколько тебе лет?
- Пятнадцать.
- Как ты здесь оказался в такое время?

- Я от подружки шёл.
 - А не рано тебе ещё по подружкам ходить?
 - Да нет! Не рано! Мы с Томкой с пятого класса дружим. Но мы по-тихому.
 - Что значит по-тихому? За спиной родителей, что ли? – спросил Наполеонов.
 - Да какой там за спиной! Просто без шекспировских страстей.
 - О! – вырвалось у Наполеонова, и он тут же спросил: – Если без шекспировских страстей, то почему ты возвращался от неё так поздно?
 - Так мы к олимпиаде по математике готовились! И папа её с нами был. Он нам помогал немножко, – смущённо признался парень.
 - Почему же он не проводил тебя?
 - Как не проводил? Он меня почти до дома довёз. Вон мой дом стоит!
 - А почему не до подъезда?
 - Я не захотел, – Лёнчик упёрся взглядом в свои ботинки.
 - Почему?
 - Не захотел, и всё, – заупрямился парень.
- «Ясно, – подумал Наполеонов, – стеснялся. Боялся, что кто-то из знакомых увидит его с чужим мужиком. Хотя неизвестно, что на уме у сегодняшних подростков. Время позднее. На улице темень. Кто их мог увидеть. А вот они могли. И жаль, что свидетель нападения только один», – вздохнул про себя следователь.
- Папа твоей подружки далеко отошёл, когда ты увидел, что на девушку напали?

– Я не знаю, – растерялся Лёнчик.

– Ты кричал?

– Нет, – почему-то шёпотом ответил парень.

– Что же ты сделал?

– Подождал.

– Чего?!

– Когда убийца уйдёт. У меня чуть язык от страха не отнялся и поджилки затряслись, – признался он.

– А потом?

– Потом позвонил вам.

– А в «Скорую»?

– Забыл. Я думал, что ей уже не надо.

– Ты не обратил внимания, прежде чем ударить девушку, нападавший разговаривал с ней?

– Не знаю. Я увидел их в момент нанесения первого удара и сразу последовал второй.

– Она не кричала?

– Нет. По крайней мере, я не слышал.

– Заметил, в какую сторону побежал преступник?

- Туда! – Парень ткнул пальцем без перчаток в сторону дороги.
- Ты не слышал, не завелась ли машина?
- Нет, – парень потряс головой, – но я, честно говоря, и не слушал.
- Описать ты его не можешь, – скорее констатировал, чем спросил Наполеонов.
- Он был в тёмной куртке с капюшоном.
- В чёрной?
- Скорее в тёмно-синей.
- Может, в коричневой?
- Может. Но мне так не кажется.
- Высокий?
- Выше меня, – Лёнчик посмотрел на Наполеонова и чуть было не сказал: «И уж точно выше вас». Но вовремя сообразил, что произносить этих слов не следует..
- Худой? Полный? – спросил следователь.
- Не худой и не полный, я бы сказал спортивный, но я могу ошибаться. И потом на нём же была куртка!
- Не заметил, какая на нём была обувь?
- Вроде кроссовки, хотя не уверен.
- Пойдём, – Наполеонов взял парня за руку.
- Куда?

– Во двор.

– Может, не надо? – со слабой надеждой спросил Лёнчик.

– Надо, парень, надо. Ты у нас единственный свидетель.

Когда они вошли во двор, Наполеонов увидел, что парень не соврал, во дворе действительно было светло. Управляющая компания не поскупилась на освещение. С одной стороны, это, конечно, расточительство. Но с другой – жильцам спокойнее, а в случае чего следствию подмога. Если бы не яркость фонарей, Лёнчик мог вообще ничего не заметить. «Бедный парень», – подумал Наполеонов, жалея потрясённого подростка.

Девушка лежала почти возле самого подъезда, над ней склонился судмедэксперт, остальные осторожно обследовали двор.

Легкоступов защёлкал фотоаппаратом, при этом он не пощадил Илинханова, осматривающего тело жертвы, и на фотографиях, как предположил Наполеонов, судмедэксперт будет выглядеть как напавший на девушку насильник. Ух уж этот Легкоступов.

– Валерьян! – прикрикнул следователь на фотографа. Но тот пропустил его окрик мимо ушей. Тогда Наполеонов обратился к распрямившемуся во весь рост Илинханову: – Ну что там, Зуфар Раисович?

– Два ножевых ранения. Остальное после вскрытия.

– Она мертва?

– Мертвее не бывает.

– Ладно. Орудие убийства обнаружено?

– Нет, – отозвался Незовибатько.

– А хоть что-то интересное есть?

– Пока нет, Александр Романович, ищем, – проговорил один из оперативников.

– Камеры где-то поблизости есть?

– Никак нет, товарищ капитан.

Следователь заметил, что в некоторых окнах дома зажёгся свет. «Кто-то наверняка, – подумал он, – прижался носом к стеклу и пытается, не выдавая своей заинтересованности, рассмотреть, что происходит во дворе. Ладно, пускай любопытствуют, всё равно придётся будить народ, чтобы провести поквартирный опрос. Хотя не стоит терять объективности и признать, что шансов на раскрытие преступления по горячим следам мало».

Наполеонов снова переключил своё внимание на Федотова:

– Лёня, назови адрес своей подружки.

– Зачем? – заартачился парень.

– За надом.

– Ничего я вам не назову, – набычился Лёничик.

– Слушай, не дури! А то мы решим, что это ты гражданочку прирезал.

– Вы чего, с ума сошли? – Глаза парня чуть на лоб не вылезли.

– Нам же надо на кого-то убийство повесить, – ласково проговорил Наполеонов, – а тут ты, и искать никого не надо.

– Ладно, пишите! – махнул рукой подросток. – Ключевского...

– Чего Ключевского?

– Улица! Дом восемнадцать, квартира один.

– Твоя подруга живёт на первом этаже?

– Ну!

– Как зовут?

– Тамара.

– А отца?

– Геннадий Иванович Весельчаков.

– Хорошая фамилия. В театре комедии служит, – попытался пошутить следователь.

– Кто? – изумился парень.

– Папа твоей подружки.

– Геннадий Иванович – директор магазина бытовой техники.

– Хорошего ты себе будущего тестя присмотрел, – одобрил Наполеонов то ли в шутку, то ли всерьёз.

– Какого ещё тестя? – обиделся Лёничик. – Мы с Тамарой просто дружим.

– Понимаю, – вздохнул Наполеонов, вспомнив о Мирославе Волгиной, и пробормотал: – Я вот тоже с одной девушкой дружу, дружу.

– Вот видите, – обрадовался Лёничик.

– Пока ничего не вижу, – вздохнул следователь. – Ты пока иди, а то и так весь промёрз. Только координаты мне свои оставь.

Лёничик, несмотря на холод, был без головного убора, да и куртка на нём была не слишком тёплая. «Рано парень с зимней одеждой расстался», – подумал

Наполеонов.

Лёнчик шмыгнул носом и сказал:

– Я не промёрз.

– А чего дрожишь тогда?

– Это нервное напряжение.

– Да? Рановато тебе ещё нервы напрягать. Диктуй телефон, адрес.

– Да, пожалуйста, – Федотов продиктовал номер своего мобильного и адрес. Выходило, что он и на самом деле жил в следующем доме, который был виден с места, где они стояли.

– Дима! – окликнул следователь оперативника Славина. А когда тот обернулся, попросил: – Будь другом! Проводи парня до двери квартиры.

– Всегда пожалуйста, – отозвался Дмитрий Славин и, обращаясь к парню, проговорил: – Пойдёмте, молодой человек.

– Я сам, – начал было возражать Лёнчик.

– Понимаю вашу тягу к самостоятельности, – одобрительно кивнул оперативник, – но у меня приказ начальства.

– Вроде это просьба была, – снова шмыгнул носом Лёнчик.

– Просьба начальника всегда приравнивается к приказу, – наставительно ответил оперативник.

– Ладно, тогда идёмте, – покорился парень.

Славин, щадя самолюбие подростка, не стал подниматься вместе с ним на площадку. Подождал, пока тот откроет дверь ключом. Но, видимо, парня

поджидала в прихожей мать или бабушка, потому что краем уха оперативник уловил женский крик. «Достанется парню на орехи», – подумал он. На всякий случай поднялся на площадку. Дверь была закрыта. Голоса из-за неё доносились совсем слабо, видимо, хозяева переместились из прихожей в комнату и там продолжили разбирательство.

– Проводил? – спросил поджидавший старшего лейтенанта следователь.

– Всё в порядке, – ответил Славин, – только, кажется, мать на него напустилась.

– Неудивительно, перенервничала, наверное, как следует.

– Надо думать, – согласился Славин.

Оперативникам во дворе не удалось найти ничего, что могло бы помочь в расследовании.

– Не могу понять, зачем он прихватил нож? Разумнее было бы бросить его на месте преступления, – рассуждал вслух Наполеонов.

– Скорее всего, орудовал дилетант, – ответил Незовибатько.

– На ограбление не похоже. Сумочка, телефон на месте. На девушке ювелирные украшения, серьги и часы тянут на приличную сумму.

Следователь открыл сумочку. В ней нашлись всевозможные чисто женские принадлежности, пачка сигарет. «А ведь Минздрав предупреждал», – пробормотал Наполеонов и выудил ключи и паспорт.

– Хорошо, что паспорт при ней, меньше хлопот, – заметил Ринат Ахметов.

Наполеонов раскрыл паспорт и прочитал:

– Нина Харитоновна Авдеева. Прописана в этом доме и даже в этом подъезде.

– Преступник знал, где она живёт, раз убил её прямо на пороге дома, – проговорил один из присутствующих.

– Необязательно, – возразил другой, – может, он просто поджидал любую девушку?

– Не похоже.

– Парень сказал, что она не кричала. Скорее всего, знала преступника и поэтому не испугалась, – предположил следователь.

– Или не успела закричать, – сказал Незовибатько.

– Этого, Афанасий Гаврилович, тоже исключать нельзя, – согласился с экспертом-криминалистом Наполеонов,

– Какая она красивая, – не удержался Валерьян Легкоступов. В это время луна выплыла из-за небольшого облачка и сосредоточила весь свой фосфоресцирующий свет на лице убитой девушки. Создалось такое впечатление, что она вот-вот откроет глаза. Оперативники замерли. А профессиональный инстинкт фотографа подтолкнул Легкоступова к тому, что он успел сделать пару снимков.

Услышав щёлканье фотоаппарата, Наполеонов, вздрогнул и, оторвав взгляд от лица покойной, зашипел на фотографа:

– Опять ты за своё!

– Но, Александр Романович, – проговорил Валерьян в своё оправдание, – не мог я упустить такой момент.

– Мы здесь убийство расследуем, а не готовимся к постановке Вия, – продолжал он выговаривать Легкоступову.

– При чём тут Вий, – не понял тот.

Вместо ответа следователь выразительно постучал костяшками пальцев по своей голове. До головы высокорослого фотографа он просто не мог дотянуться.

– Ладно, – примиряюще прогудел Незовибатько, – сфотографировал и сфотографировал, не казнить же его за это.

Легкоступов бросил в сторону эксперта благодарный взгляд. А Наполеонов пробурчал что-то себе под нос. Никто не разобрал, что именно, но все облегчённо перевели дух, когда следователь сказал:

– Санитары, можете увозить. – Перед этим Наполеонов и сам сфотографировал девушку на мобильник. – Ладно, будем проводить поквартирный опрос.

– Придётся будить народ.

– Так там и так большая половина уже не спит, – кивнул на светящиеся окна Ахметов.

– Надеждин! Ты где? – крикнул следователь.

– Тут я, Александр Романович, – подскочил к нему стажёр.

– Значит, так, Артём, осмотри все близлежащие контейнеры с мусором на предмет обнаружения ножа и куртки.

– Слушаюсь, товарищ капитан! – Надеждин, не дожидаясь ответа следователя, нырнул в менее освещённое пространство двора, где у самого выхода находились контейнеры.

– И в соседних дворах посмотри! – крикнул ему вслед Наполеонов.

– Славин, ты займись камерами всеми, что найдёшь за пределами двора в радиусе нескольких метров. Глянь, может, здесь поблизости имеются банки, почта, круглосуточные магазины.

– Я понял, – отозвался Дмитрий, – не первый раз замужем, всё сделаю как надо.

Наполеонов в этом и не сомневался, просто привык растолковывать подробно свои задания всем, независимо от того, опытный перед ним оперативник или новичок. Оперативники тоже привыкли к некоторой занудности следователя и не обижались на него.

– Остальные за мной! – скомандовал Наполеонов и первым устремился к входу в подъезд.

Оперативники последовали за ним.

Глава 2

Поднявшись по лестнице на площадку, где, судя по регистрации, проживала погибшая Нина Харитоновна Авдеева, Наполеонов нажал на кнопку звонка. Дверь квартиры им никто не открыл.

– Интересно, может, она жила одна? – произнёс следователь вслух и позвонил в дверь соседней квартиры.

Дверь приоткрылась, в проёме показалась седая женщина в тёплом халате и стоптанных тапочках.

– Вам кого? – спросила она.

Сна у гражданки, как заметил Наполеонов, не было ни в одном глазу.

– Полиция, – сказал он, – следователь Александр Романович Наполеонов.

– Татьяна Михайловна Серёгина, – проговорила женщина, полностью открыла дверь и стала с любопытством разглядывать Наполеонова.

– Гражданка Нина Харитоновна Авдеева здесь жила? – спросил следователь, указывая рукой на дверь рядом.

– Почему жила? И сейчас живёт. Только её ещё, наверное, дома нет, – неприязненно проговорила Серёгина.

– Это она? – Наполеонов протянул женщине свой мобильник.

– Она, – поджала губы Татьяна Михайловна.

– Тогда уже не живёт, – вздохнул следователь.

– Мамочки мои, боже, – запричитала женщина, – так это из-за этого там полиция? – Она стала тыкать пальцем в сторону улицы.

– Из-за этого. Авдеева жила одна?

– Зачем одна? С Мишей.

– С Мишей?

– Ну да, с мужем.

– Где муж?

– Так он это, в командировку уехал.

– Откуда вы знаете?

– Миша сам сказал. Я мусор выбросила и поднималась с пустым ведром. Он ещё посетовал, что, мол, встретить женщину с пустым ведром не к добру.

– Сбылась примета, – сказал следователь. – Когда это было?

– Что было? – не поняла женщина.

– Ваша встреча на презентации! Тьфу ты! На лестнице с ведром!

– В четверг на прошлой неделе.

– После дождика в четверг, – пробормотал следователь.

– Не было никакого дождика в тот день, – возразила женщина.

– Точно, не было, – согласился Наполеонов. – Татьяна Михайловна, назовите, пожалуйста, полное имя Миши.

– Так Михаил Сергеевич Авдеев он.

– Где он работает?

– У Миши своя фирма. Но где она находится, я не знаю.

– А чем фирма занимается?

– Бытовой химией, косметикой.

– Понятно. Авдеевы жили вдвоём?

– Да.

– Выходит, что сейчас в квартире никого нет?

– Ни души.

– Славин! Давай участкового!

– Тут я, – ответил пожилой осанистый мужчина и отрапортовал: – Майор Валерий Борисович Рыжов.

– Отлично! Понятых и слесаря подгоните, пожалуйста.

Пока вскрывали дверь, Наполеонов успел поговорить с двумя женщинами средних лет, которые, услышав шум, поднялись с площадки этажом ниже.

– Что случилось? – спросила та, что была помоложе.

– Нину Авдееву убили, – ответила Серёгина, опередив следователя, и тихонечко завывала, так, как воет мопс у соседей Наполеонова, когда хозяева его чем-то незаслуженно огорчают.

– Тише, тише, – остановил её Наполеонов и обратился к женщинам: – Вы хорошо знали Нину Харитоновну Авдееву?

– Нинку-то? – переспросила одна из женщин, при этом посмотрев на другую так, словно советуясь, что можно говорить, а что нельзя.

Наполеонов нетерпеливо кивнул.

– Знали. Но чай пить она нас не звала, – ответила вторая женщина.

– С мужем гражданка Авдеева дружно жили?

– Какой там! – не выдержала первая. – Я под ними живу, так мне слышно, как они собачились каждый день.

– Из-за чего?

– Нинка та ещё стерва была! – вырвалось у соседки непроизвольно.

– Макаровна! – перебила её другая. – Ты бы полегче.

– А чего полегче? – отозвалась та, которую называли Макаровой. – Я же правду говорю! Она у Мишки второй женой была. Намного моложе его.

– Намного – это насколько? – спросил следователь, в его воображении тем временем нарисовался на месте мужа Авдеевой седобородый старец.

– Лет на десять, – ответила женщина.

– Десять лет это ерунда, – заметил следователь и мысленно побрил и омолодил супруга убитой.

– Кому как, – не согласилась соседка.

Наполеонов, чтобы закрыть вопрос о разнице в возрасте супругов, махнул рукой и вернулся к тому, что его заинтересовало:

– Значит, вы утверждаете, что супруги Авдеевы часто ссорились.

– Тут утверждай не утверждай, – внесла свою лепту Серёгина, – а жили они как кошка с собакой.

– Да, жили они плохо, – согласилась та, которая пыталась сначала заступиться за Авдееву.

– Нина частенько домой возвращалась ночью, а то и под утро, – сказала Серёгина.

– И где же она была?

– Говорила, что задерживалась у подруг

Прибывший слесарь открыл дверь. Участковый привёл ещё одну соседку с верхнего этажа и представил её Наполеонову:

– Мария Михайловна Угольникова, старшая по дому.

– Отлично, – похвалил Наполеонов, – будете понятой, и вы, Татьяна Михайловна, – обратился он к Серёгиной.

Две женщины с нижней площадки разочарованно переглянулись, но делать нечего, начали спускаться вниз. Однако, войдя в свои квартиры, двери плотно запирать не стали. Бояться, по их мнению, было нечего, раз полиция в подъезде,

а через неплотно запертую дверь всегда можно услышать хоть что-то интересное.

Войдя в квартиру, понятые стали оглядываться по сторонам.

– Я вижу, вам здесь не приходилось часто бывать, – заметил следователь.

– Да, – согласилась Серёгина, – Нина соседей не жаловала.

– Как и мы её, – добавила Угольникова.

– И чем же она вам не угодила? – поинтересовался следователь, уже догадавшийся о том, что ничего хорошего в адрес убитой из уст соседок не прозвучит.

Мария Михайловна Угольникова поджала губы, но потом решилась:

– Мы тут все знали, что она, Нинка то есть, увела мужика из семьи.

– Какого мужика? – сделал стойку следователь.

– Как какого! Мишку своего!

– То есть вы утверждаете, что Нина Авдеева отбила Михаила Авдеева у его прежней жены.

– Утверждаем! – одновременно ответили обе женщины.

– Откуда такая информация?

– Так Мишка тут сначала с первой женой жил, квартира им вроде как от тётки или бабки двоюродной досталась, в неё он и привёл Лизу!

– Лиза – это?..

– Первая Мишкина жена!

– Хорошая женщина была! – с жаром добавила Серёгина.

– Почему была? – спросил следователь. – Она умерла, что ли?

– Типун тебе на язык! – вырвалось у Угольниковой. Мария Михайловна тотчас опомнилась и пробормотала смущённо: – Простите, товарищ следователь, сорвалось.

– Бывает, – усмехнулся тот, – я рад, что первая жена Авдеева пребывает в здравии.

– Мы тоже, – кивнули обе женщины, из чего следователь сделал вывод, что Лиза Авдеева с соседками ладила.

– Куда же Елизавета Авдеева подевалась потом?

– Никуда не подевалась. Прожили они тут с Мишей лет шесть или больше. Сын у них рос, Мишка уволился из своего института.

– Какого института?

– Он в НИИ сначала подвязался, но там в то время платили копейки, вот он бизнесом и занялся, оперился, дом построил, у них с Лизой дочка родилась, и стали жить с женой и детьми в новом доме. А потом Мишка и родителей туда перевёз.

– Откуда знаете?

– Сам рассказал, когда забежал сюда. Он мне от квартиры на всякий случай ключи оставлял, – сказала Серёгина.

– Зачем?

– Как зачем? – удивилась женщина. – На всякий случай, мало ли что может случиться с нашим жилищно-коммунальным обслуживанием, то труба лопнет, то кран потечёт. Не ехать же им за тридевять земель.

– Кому им?

– Мише или его жене. Да и на то, чтобы караулить этих деятелей, время нужно.

– Каких деятелей караулить?

Татьяна Михайловна посмотрела на следователя с явным осуждением, во взгляде женщины он прочитал – нельзя же быть таким бестолковым. Но она всё-таки ответила:

– Работников ЖКХ, тех же слесарей.

– Понял, – улыбнулся Наполеонов и тотчас стёр улыбку со своего лица. – Ничего не протекало за время его отсутствия?

– Нет.

– Насколько я понял, Авдеев квартиру не сдавал и она просто пустовала?

– Да, закрытая стояла. И вдруг на тебе! – прорвало Серёгину. – Привозит сюда Нинку!

– Вот как, – проговорил Наполеонов. – Получается, что новую жену Авдеев привёз в старую квартиру?

– Точно! – радостно подтвердили обе женщины.

– Гм, – обронил следователь.

– Только Нинке это не понравилось!

– Что это? – не сразу сообразил задумавшийся на мгновение следователь.

– Что Миша первую жену в доме оставил жить. А её, красавицу писаную, во вторичку поселил.

– По-моему, неплохая квартира, – обвёл Наполеонов взглядом комнату, в которой они находились. Он сам с матерью жил в старом доме. И ему нравилась квартира, в которой он родился и вырос.

– Это для нас с вами она неплохая, – многозначительно проговорила Угольниковая, – а Нинка воображала себя пупом земли.

– Ага, – кивнула Серёгина, – ни дать ни взять царица шамаханская! Она, видать, сразу на тот дом глаз положила.

– Нина Авдеева видела дом своего мужа?

– По всему так выходит, – ответила соседка.

– А это откуда стало известно? Вы ведь говорили, что Авдеева с вами не откровенничала. Или я что-то не так понял?

– Так, так, – закивала Серёгина, – но она дружила с Иркочкой Захарьиной и жаловалась ей на свою несчастную жизнь и на мужа-злодея!

– Он что, бил её?

– С ума сошли! – возмущённо отвела предположения следователя Угольникова. – Скорее она его!

Увидев удивлённый взгляд следователя, поспешила пояснить:

– Не била, а грызла.

– Зубами?!

– Да нет же! Языком! Это ж образно!

– Понял. За что грызла?

– Да всё из-за дома!

– Не дом прямо, а яблоко раздора, – пробормотал следователь.

Соседки согласно закивали.

– Вы знаете, где находится этот дом?

– А то!

– Откуда!

– От матери его, Ксении Савельевны Авдеевой!

– Вы с ней знакомы?

– А как же! Познакомились! – Женщина многозначительно посмотрела на следователя.

– Не тяните!

– А я и не тяну, – сделала вид, что обиделась Серёгина, но тут же продолжила свой рассказ: – Ксения Савельевна приезжала к сыну, его дома не оказалось, так эта зараза...

– Какая зараза?

– Жена его, прости господи.

– Вы имеете в виду убитую Нину Харитоновну Авдееву?

– Её самую! Так она свекровь даже на порог не пустила.

– Это ещё почему?

Соседка пожала плечами:

– Я почём знаю. Сказала, приходите, когда Миша дома будет.

– А что Ксения Савельевна?

– Рассказала мне, что Нинка увела Мишу из семьи. А там остались двое малых деток! Серёжа и Анюта.

– Вы и сами об этом знали.

– Про детей, да, – согласилась Татьяна Михайловна.

– Вы сказали, что Авдеева общалась с кем-то из вашего подъезда?

– Общалась! С Ирккой Захарьиной из третьей квартиры.

– Как её отчество?

– Откуда же мне знать? – повела плечами Серёгина.

– Ирина Константиновна Захарьина она, – ответила на вопрос следователя Угольников. Как старшая по дому, она обладала более обширной информацией о жильцах.

Пока Наполеонов разговаривал с понятыми и писал протокол, оперативники завершили осмотр квартиры. Обыск, как, впрочем, и следовало ожидать, ничего не дал.

Следователь сделал вывод, что жили супруги не бедно, деньги у Авдеева явно имелись, но особо баловать молодую жену он не стремился. Вот только было не ясно, так сложилось сразу, или супруг охладел к молодой жене в процессе жизни с ней. Если бы его, Наполеонова, стала грызть, как выразилась Серёгина, какая-либо женщина, он бы сразу сделал ноги. Очень надо терпеть чьи-то придирки. Но в то же время он хорошо понимал, что мужчины, как и женщины, бывают разные. Плюс к этому немалую роль играют сложившиеся в жизни того или иного человека обстоятельства. И немногие решаются рвать по живому.

– Сказано же, не прелюбодействуй, – проворчал следователь себе под нос, – жил бы и жил спокойно с первой женой. Так нет, нашёл-таки приключения на своё мягкое место. И правоохранительным органам лишняя морока.

– Подпишите, – сунул он протокол под нос понятым.

Женщины послушно расписались. Прочла то, что подписывала, только старшая по дому Угольникова. Серёгина подмахнула всё не глядя. Наполеонов покачал головой, но поучать женщину не стал. По его мнению, она уже вышла из того возраста, когда поучения идут впрок.

– Вы пока свободны, – сказал он понятым. – Спасибо.

Мария Михайловна ответила, что они выполнили свой гражданский долг, а Серёгина только кивнула и скрылась за дверь своей квартиры сразу же, как полицейские опечатали дверь квартиры Авдеевых.

Глава 3

Оперативники рассеялись по подъезду, расспрашивая о чете Авдеевых всех, кто открывал им двери своих квартир. Надо сказать, что многие уже спали. Бодрствовали в основном пенсионеры и обитатели тех квартир, окна которых выходили во двор.

Наполеонов направил свои стопы к лестнице, ведущей вниз. С подружкой Нины Авдеевой Ириной Константиновной Захарьиной он решил поговорить сам.

Спустившись на первый этаж, следователь нажал на крохотную кнопку звонка и вздрогнул от неожиданности, так как зазвучала музыка из мультфильма – это нам не задавали...

– Тьфу ты, – сказал следователь и попятился.

Дверь открылась почти мгновенно. На пороге стояла молодая аппетитная женщина в шёлковом халате, по зелёному полю которого то ли бегали, то ли

летали оранжевые петухи.

– Кто это у нас тут плюётся? – весело спросила женщина.

– Извините, – сказал следователь, – меня смутил ваш звонок.

Смутил его не только звонок, но и не соответствующее обстоятельствам приподнятое настроение женщины. «Неужели она ещё ничего не знает? – с некоторым недоумением подумал следователь. И возразил себе: – Если бы не знала, то не стояла бы у двери, выходит, что ждала прихода полиции». Тут он почувствовал лёгкий запах алкоголя.

– Всё понятно, – решил следователь и представился: – Александр Романович Наполеонов, старший следователь, – и сразу перешёл к главному: – Возле вашего подъезда произошло убийство.

Женщина всхлипнула, махнула на него рукой и покачнулась. Наполеонову показалось, что она собралась упасть в обморок, и он поспешил поддержать её.

– Ах, не тискайте меня, – хихикнула она. – Мы с вами для этого ещё не слишком знакомы.

– Я и не тискаю, – проговорил следователь. – Мне нужно с вами поговорить.

– Проходите на кухню, я дверь закрою.

Он послушно пошёл в ту сторону, в которую она указала рукой.

– Меня Ирой зовут, – сказала она, входя следом за ним. – А вы Саша.

У Наполеонова чуть было не вырвалось: «Шура!» – но он вовремя поймал слово за хвост и проговорил строгим голосом:

– Давайте обращаться друг к другу более официально – вы Ирина Константиновна Захарьина, я Александр Романович Наполеонов.

– Как пожелаете, – из её голоса исчезла игривость. – Чего вы от меня хотите?

– Поговорить о Нине Авдеевой.

Захарьина пожала плечами.

– Вы ведь знали её?

– Кто ж её не знал.

– Я имею в виду близко.

– Не так уж и близко. Просто были соседками.

– Соседки у Авдеевой и на лестничной площадке рядом с ней были.

– Серёгина, что ли?

– Хотя бы.

– О чём Нинке было с этой старой гримзой говорить?

Наполеонов не считал Серёгину старой и тем более гримзой, но спорить с Захарьиной не стал, вместо этого спросил:

– С вами Авдеевой было о чём поговорить?

– Было, мы же обе красивые молодые женщины, – Захарьина не удержалась и подмигнула следователю.

Он сделал вид, что не заметил её возобновившихся заигрываний, и спросил:

– Ирина Константиновна, это правда, что Нина Авдеева жаловалась вам на мужа?

- Правда, – нехотя призналась Захарьина.
- В чём была причина её недовольства мужем?
- Нинка, когда за Мишку замуж выходила, надеялась как сыр в масле кататься.
- И что же помешало реализации её мечты? – спросил Наполеонов.
- Что помешало, – усмехнулась женщина, – Мишка прижимистым оказался. Большую часть денег тратил на развитие бизнеса. Опять же ему надо было содержать большую семью.
- Вы имеете в виду его детей от первого брака?
- Всех! – нетерпеливо перебила его Захарьина. – И детей, и жену, и родителей.
- Разве Авдеева не думала заранее о том, что муж будет продолжать поддерживать детей и родителей?
- Ни о чём таком Нинка не думала! Она вообще считала, что здесь, – Захарьина кивнула на потолок, имея в виду квартиру Авдеевых, расположенную выше, – будет жить первая жена Михи с детьми, а она будет царствовать в его огромном особняке. – Но оно, видишь, как вышло, – женщина снова подмигнула следователю.
- Вы сказали особняк? – переспросил он бесстрастно.
- Ну.
- То есть большой дом?
- Немаленький. А вы не знали?
- Откуда же. Все другие соседи называли его просто домом.

– Поскромничали старушки, – усмехнулась Захарьина, имея в виду под старушками, как понял Наполеонов, Угольникову и Серёгину. Ему хотелось сказать женщине, что молодость пролетит быстро и она оглянуться не успеет, как и сама станет так называемой старушкой. Но он воздержался. Что толку таким говорить, только слова на ветер выбрасывать.

– Ирина Константиновна, Авдеева не жаловалась вам на то, что муж поднимает на неё руку?

– Мишка-то? – удивилась женщина.

Следователь кивнул.

– Нет, на это мне Нинка не жаловалась. Да и кто бы ей поверил.

– Авдеев настолько миролюбивый человек? – усомнился Наполеонов.

– В общем, да.

– Как же он тогда ведёт успешный бизнес?

– А что тут такого? – не поняла женщина.

– По-моему, в бизнесе мягкого человека в один миг сомнут.

– Чего не знаю, того не знаю, – ответила Захарьина. – Может, в бизнесе он и жёсткий – но не думаю, что Миша стал бы с бабой воевать.

– Значит, вы не допускаете, что Нину Авдееву мог убить её муж Михаил Авдеев?

– Не допускаю.

– Кстати, вы не знаете, где находится офис его фирмы?

– Кстати, знаю, – усмехнулась Захарьина.

– Не подскажите адрес?

– Подскажу. Только его всё равно там сегодня не будет.

– Это ещё почему? – Наполеонов сделал вид, что ничего не знает.

– В командировке он, ещё с прошлой недели.

– Это он вам сам сказал?

– Нет, Нинка.

– Нина Авдеева не говорила, что ей кто-то угрожает? Преследует её?

– Нинку? – приподняла бровь женщина. – Кому она нужна, чтобы угрожать ей.

– А преследовать?

– Она сама ни одного мужика не пропустит.

– Вот как?

Сообразив, что сказала лишнее, Захарьина прикусила язык.

– Ирина Константиновна, вы хотите сказать, что Нина Авдеева изменяла мужу? – решил расставить все точки над «і» Наполеонов.

– Ничего я такого сказать не хочу! – насупилась Захарьина.

– Не то что не хотите, вы уже сказали.

– Я имела в виду совсем не то, что вы подумали!

– Откуда вы знаете, что я именно подумал?

– Это у вас на лице написано! Все бесстыжие мужики могут думать только об одном!

Про себя Наполеонов удивился характеристике, данной ему Захарьиной. Раньше его никто не называл бесстыжим.

– Тогда, Ирина Константиновна, поясните, что именно вы имели в виду, говоря о том, что Нина Авдеева не пропускала ни одного мужика?

– Только то, что мужчины на Нину заглядывались!

– А она на них?

– Чего вы меня всё пытаете? – сорвалась Захарьина на крик. – Мы закадычными подружками не были! И я не знаю, чего вам там наговорила наша местная достопримечательность.

– Какая такая местная достопримечательность?

– Мария Михайловна Угольникова!

– С чего вы это взяли, что она мне что-то наговорила?

– Так больше некому!

– Ошибаетесь, – следователь позволил себе улыбнуться, – основную заинтересовавшую меня информацию я получил от вас.

– Да идите вы!

– Ну-ну, не забывайте, что я при исполнении.

Захарьина пожала плечами.

Поняв, что ничего больше он от неё не добьётся, Наполеонов проговорил:

- Вы сказали, что не были закадычными подругами с Ниной Авдеевой.
- Точно, не были! – тотчас подхватила Захарьина.
- А кто был?
- Как кто? Райка Левченко!
- Она живёт в этом же подъезде?
- Нет!
- А где?
- Почём мне знать, где она живёт! Я к ней в гости не ходила. Хотя номер её у меня есть.
- Откуда?
- Нинка на всякий случай оставила.
- Продиктуйте телефон Левченко.
- Наизусть не помню.
- Так идите и посмотрите, где он у вас там записан.
- В телефоне! – С недовольным видом Захарьина достала из кармана своего аляпистого халата мобильник и стала рыться в контактах. Через пару минут сказала: – Нашла, записывайте!
- Говорите.

Женщина продиктовала номер подруги Нины Авдеевой.

– В реальности вы хоть раз видели Раису Левченко?

– Видала, конечно.

– Где?

– Она к Нинке приезжала, когда Мишки дома не было.

– Муж что же, запрещал ей подруг домой водить?

– Чего не знаю, того не знаю. Но так как последнее время они с Мишкой не ладили и в открытую ссорились, Нинка не хотела перед мужем своих знакомых светить.

– Вы, случайно, не знаете отчества Левченко?

– Вроде Владимировна она. Но на все сто я не уверена.

– Спасибо и за это.

– Пожалуйста. Заходите, если что, – криво усмехнулась Ирина Константиновна и добавила: – Одинокая женщина всегда рада гостям.

– И часто у вас бывают гости? – решил поинтересоваться на прощание следователь.

– Если вы имеете в виду мужчин, то, к сожалению, не часто, – притворно вздохнула Захарьина.

– Сочувствую.

– Не всем так везёт, как Нинке везло! И муж у неё, и от поклонников отбоя не было, – снова сорвалось с пьяного языка женщины, но она тут же опомнилась и захлопнула дверь.

– Не думаю, что Авдееву можно назвать везучей, – сказал Наполеонов закрытой двери, – иначе не лежала бы она сейчас мёртвой. – Он надеялся, что Захарьина не ушла от двери и услышала его.

О том, что у Авдеевой были поклонники, а может быть, и любовники, услышал и Ринат Ахметов, делающий поквартирный опрос, от столь юной девушки, что не смог скрыть удивления.

– Откуда вы знаете? – спросил он четырнадцатилетнюю девушку с четвёртого этажа. «Неужели и моя Гулька в этом возрасте будет забивать себе голову шашнями взрослых соседок?» – и помотал головой, отгоняя пустые мысли. Его дочь вырастет разумной девушкой.

– Она сама хвасталась, – ответила между тем девушка.

– Неужели она говорила с вами об этом? – усомнился Ринат.

– А что тут такого? – сморщила веснушчатый носик девчушка.

Оперативник не успел вновь открыть рот, как она проговорила:

– Только не спрашивайте, кто они и где живут. Мне она не говорила об этом и домой их не водила.

– Жаль.

– А то, – усмехнулась девушка.

Дверь Аветику Григоряну открыл здоровенный детина в пижаме в клеточку, выслушав оперативника, он спросил:

– Так Нинку всё-таки кто-то пришил?

– Что значит всё-таки, – несколько растерялся оперативник. – Можно подумать, что вы ожидали этого печального события.

- Ожидать не ожидал, – ответил детина, – но предполагал.
- И на чём же были основаны ваши предположения?
- Гуляла она направо и налево.
- У вас есть конкретные факты или только одни предположения?
- Фактов нет, – признался мужчина. – Но от неё же так сексом пёрло, что даже в голову шибало! Мало кто устоит.
- Это не её вина.
- Как же не её, – ухмыльнулся мужчина. – Она и ко мне клеилась, чуть ли не открытым текстом говорила, что ей не хватает секса.
- А вы?
- Что я? – пожал детина широченными плечами. – Мне не нужны неприятности. Я Мишу уважаю и соболезную ему. Оплошал мужик, с кем не бывает.
- Например, с вами. С вами ведь ничего подобного не случилось?
- Со мной нет. Я таких баб, как Нинка, за версту чую.
- Вы не знаете, муж был в курсе походов своей жены налево?
- Лично я в этом сомневаюсь.
- Почему же?
- Миша любил её сильно.
- А что же, свою первую жену он не любил?

– Почём я знаю. Наверное, любил. Только с Нинкой у него другое было.

– Что другое?

– Вот вы я вижу человек южный, – проговорил детина, – вам, должно быть, легче его понять.

– Это отчего же? – слегка удивился оперативник.

– Неужели у вас ни разу не было ослепления женщиной?

– Не было, – признался Аветик и добавил: – Полицейским не положено терять голову.

– Ну да, ну да, – усмехнулся детина. – А как же насчёт того, что сердцу не прикажешь?

– Оставим моё сердце в покое и поговорим об Авдеевых, – прервал рассуждения свидетеля Григорян.

– Мне больше нечего о них сказать.

– Соседи слышали, что супруги постоянно ссорились.

– И что? Многие пары ссорятся, – лениво зевая, ответил мужчина.

– К сожалению, да, но опять же смотря по какому поводу. Может быть, Авдеев ревновал свою жену?

– Не знаю, не знаю. Я же вам говорил, что Мишка, как Фемида, ходил с завязанными глазами.

– И вы никогда не слышали, чтобы Авдеев угрожал своей жене? – Аветику хотелось хоть что-то выжать из свидетеля.

– Не слышал ни разу, это я могу сказать точно.

– Что ж, спасибо за беседу, – поблагодарил оперативник.

– Пожалуйста, – снова зевнул детина и, закрыв дверь, отправился досыпать.

Глава 4

Наполеонов был уверен, что расследование убийства молодой женщины, на которое они с опергруппой выехали ночью, поручат другому следователю. Именно так и происходило чаще всего. Но только не на этот раз.

Едва отоспавшийся Наполеонов пришёл на работу, как секретарь Элла Русакова сообщила ему, что его с утра пораньше спрашивал Солодовников.

Полковник Фёдор Поликарпович Солодовников был непосредственным начальником Наполеонова. Отношения между ними сложились неплохие, работой Наполеонова полковник был доволен и даже время от времени хвалил. Но всё-таки лишний раз представлять перед очами начальства Шуре не хотелось.

– Зачем я ему понадобился? – спросил он девушку.

– А мне почём знать, – встряхнула Элла своей непослушной чёлкой.

Наполеонов вздохнул и поплёлся в кабинет начальства. Стукнув пару раз по двери костяшками пальцев, он приоткрыл её и, просунув голову вовнутрь, спросил:

– Фёдор Поликарпович, вызывали?

– Здравствуй, Саша, – ответил Солодовников.

Только тут Наполеонов вспомнил, что поздороваться с начальством он забыл.

– Здравствуйте, Фёдор Поликарпович.

– Заходи, садись. Ты чего такой невесёлый? – спросил Солодовников, вглядываясь в лицо следователя.

– Всё в порядке, – поспешил заверить полковника Наполеонов.

– Вот и отлично! – с преувеличенным оптимизмом отозвался полковник.

«Что-то тут не так», – успел подумать Наполеонов и оказался прав.

– Я тут покумекал и решил, – проговорил Солодовников, – дело по убийству гражданки Авдеевой оставить за тобой.

– За мной? – вырвалось у Наполеонова.

– А что, Саша, есть возражения? – пытливый взгляд начальника встретился с удивлённым взглядом подчинённого.

Кстати, Сашей Наполеонова называл только Солодовников. Для всех остальных он был Шурой или Александром Романовичем.

Полковник тоже иногда называл следователя по имени-отчеству, но случалось это в минуты наивысшего недовольства начальника.

– Возражений нет, – пожал плечами Наполеонов.

– Вот и хорошо, тем более что ты уже в теме. Да и само дело не показалось мне особо запутанным.

– Скорее всего, вы правы.

– Начальник всегда прав, – пошутил Солодовников.

– И то верно, – улыбнулся в ответ Наполеонов, – разрешите идти?

– Да, конечно.

Выйдя из кабинета, Наполеонов нос к носу столкнулся с Русаковой.

– Чего хотел от вас Фёдор Поликарпович? – спросила она и, не дожидаясь ответа следователя, нырнула в кабинет Солодовникова.

– На чай с сушками приглашал, – буркнул ей вслед Наполеонов и зашагал к себе.

Освежив в памяти события позапрошлой ночи, расследование Наполеонов решил начать с разговора с Геннадием Ивановичем Весельчаковым, отцом подружки Лёнчика, того самого подростка, который был свидетелем убийства Нины Авдеевой.

Лёнчик, он же Леонид Павлович Федотов, утверждал, что Весельчаков к тому времени уже ушёл. Так оно скорее всего и было, иначе взрослый мужчина не оставил бы подростка наедине с трупом и убегающим убийцей. Но нельзя исключать, что Весельчаков успел заметить что-то странное. Так или иначе, Наполеонов позвонил ему на мобильник.

Мужчина ответил не сразу, скорее всего рассматривая высветившийся номер, пытался сообразить, кому же он принадлежит. Но потом всё-таки ответил:

– Алло.

– Здравствуйте, Геннадий Иванович! – вежливо поздоровался Наполеонов.

– Здравствуйте. С кем я говорю?

– Со следователем Александром Романовичем Наполеоновым.

– Со следователем? – удивился Весельчаков. – А в чём, собственно, дело?

– Вам Леонид Федотов вчера или сегодня не звонил?

– Лёнчик? Мне? – продолжил удивляться Весельчаков.

– Вы когда в последний раз видели друга своей дочери?

– Позавчера. А что?

– При каких обстоятельствах?

– Что значит при каких обстоятельствах, – начал раздражаться Весельчаков, – что вы мне морочите голову? Что-то произошло?

– Произошло.

– Что?!

– Да не волнуйтесь вы так, Геннадий Иванович.

– Что с Лёнчиком?

– Цел и невредим ваш Лёнчик. Просто мне нужно поговорить с вами. Надеюсь, вы не возражаете?

– Нет, но...

– Вот и прекрасно, – перебил его следователь, – домой мне к вам являться не с руки, на работу тоже, в следственный комитет вызывать вас я также пока не хочу, так что давайте встретимся в каком-нибудь нейтральном месте.

– Давайте! – выдохнул уже совсем запутавшийся Весельчаков.

– Где вам удобнее? – с нотками заботы в голосе спросил следователь.

– Я обедаю в кафе у «Трёх берёз» на Лесной. Знаете, где это?

– Разберусь. Во сколько встречаемся?

– В час дня.

– Хорошо. До встречи.

– Погодите! – воскликнул Весельчаков. – А как я вас узнаю? Вы будете в форме?

– Нет, нет, – улыбнулся в трубку Наполеонов. – Встретимся у входа. Думаю, в это время года возле крыльца на улице не так уж много толпится народу.

– Вы правы, – буркнул мужчина.

– Если что, созвонимся. Короче, не разойдёмся, – заверил его Наполеонов. – И, Геннадий Иванович, у меня к вам небольшая просьба.

– Какая? – насторожился мужчина.

– Не звоните пока ни Лёнчику, ни своей дочери.

– Хорошо.

– Обещаете?

– Обещаю.

– Тогда до встречи. – Наполеонов отключился, не ожидая ответа собеседника.

Весельчаков хотел было позвонить Лёнчику, но, вспомнив про обещание, данное следователю, убрал мобильник.

Всё время, оставшееся до встречи со следователем, он ломал голову над тем, во что мог вляпаться друг его дочери и что вообще могло понадобиться от него следователю. Так и не найдя ответа, он озабоченно следил за движением, казалось, уснувших стрелок. Вздохнул с некоторым облегчением только тогда, когда можно было отправляться к месту встречи.

Как ни торопился Геннадий Иванович, но слегка опоздал, умудрившись застрять в небольшой, быстро рассосавшейся пробке. Когда он подошёл к кафе, то не увидел никого, кроме невысокого парня, подпрыгивающего на месте, как мячик.

Весельчаков скользнул по нему взглядом и стал смотреть на стоянку, поджидая вновь прибывающие автомобили. Ведь следователь, надо думать, не пешком придёт.

– Вы Геннадий Иванович Весельчаков? – раздался голос за его спиной.

– Да, – проговорил, оборачиваясь, мужчина, – но я вас не знаю.

– Так я вас тоже, – весело ответил парень, – сейчас прямо и познакомимся, хотя по телефону мы вроде бы уже и представлялись друг другу. Но ничего страшного, можно и ещё разок: – Александр Романович Наполеонов, следователь.

– Геннадий Иванович Весельчаков, – на автомате ответил мужчина, всё ещё никак не свыкнувшийся с мыслью, что этот прыгающий мячик и есть следователь.

Догадавшись о его сомнениях, Наполеонов достал удостоверение и развернул корочки перед глазами Весельчакова.

– Да, простите, – пробормотал тот.

– А я, знаете ли, уже начал примерзать, дожидаясь вас, – подмигнул ему следователь.

– Простите, пробки, – ещё раз извинился Геннадий Иванович.

– Пойдёмте в кафе, там и поговорим, а то я совсем окоченею. Март называется, – обиженно проговорил следователь. И Весельчаков не понял, на кого он обижается: на него или на холодный месяц март.

Зайдя в кафе, они заняли столик у стены.

– Здесь хорошо хотя бы кормят? – спросил Наполеонов.

– Вполне. Я всегда здесь обедаю. Особенно здешним поварам удаются блюда из кур.

– А Бонапарт их, помнится, не жаловал, – произнёс следователь, как показалось Весельчакову, ни к селу ни к городу, но тут он вспомнил, что фамилия следователя Наполеонов. Шура же, в свою очередь, увидев вытянувшееся лицо визави, поспешил объяснить: – Наполеон родился и вырос на Корсике в небогатой семье. Самым доступным мясом для семьи было куриное. Потом будущий император поступил на службу, и молодых офицеров тоже кормили по преимуществу куриным мясом. Вот он его и возненавидел, даже запретил поварам его готовить, когда стал консулом. Ситуацию переломил Лягюньер, который, считая себя королём кулинарного искусства, не привык идти на поводу у чужого мнения, даже если это мнение императора. Он умел готовить курицу так, что распознать в кушанье, что оно было приготовлено из куриного мяса, было невозможно. Бонапарт оценил кулинарный дар нового повара и разрешил ему подавать на императорский стол блюда из курицы.

– Да, да, – проговорил Весельчаков, который не помнил подобного факта из биографии французского императора, но вполне удовлетворился объяснением следователя.

Подошёл официант, и Геннадий Иванович машинально проговорил:

– Мне тоже, что и всегда.

– И мне тоже, что ему, – с такой поспешностью добавил Наполеонов, что официант невольно улыбнулся, но тотчас снова натянул на лицо маску вежливой почтительности.

Весельчаков тоже не смог сдержать улыбки:

– Но вы ведь даже не знаете, что я заказал. Вдруг вам не понравится.

– Понравится, – уверенно ответил Наполеонов, – не будете же вы заказывать нечто несъедобное.

– Логично, – отозвался слегка оттаявший мужчина и добавил: – Летом здесь вообще прелестно.

– Да?

– В скверике много берёз, цветов, фонтанчик, после обеда можно прогуляться или посидеть на лавочке.

– Ах, в этом смысле, – проговорил Наполеонов, думая о своём.

Ели они молча, хотя и движения, и мимика Весельчакова выдавала его нетерпение. Но Наполеонов не торопился.

Блюда, заказанные Геннадием Ивановичем, пришлись ему по вкусу, и он наслаждался едой.

Закончив есть, Наполеонов вытер губы и руки салфеткой и проговорил, обращаясь то ли к себе, то ли к собеседнику:

– Я был почти уверен, что Лёничик успел всё рассказать вам.

– Да что всё, в конце концов?! – воскликнул, уставший томиться в неизвестности Весельчаков так громко, что на них стали оглядываться другие посетители кафе.

– Извините, Геннадий Иванович, – ответил следователь, – просто позавчера ночью друг вашей дочери стал свидетелем убийства.

– Свидетелем чего? – изумлённо переспросил Весельчаков.

– Убийства. Чего вы так удивляетесь? К сожалению, время от времени они случаются и на нашей малой родине.

– Господи! – проговорил мужчина, точно не слыша последних слов следователя. – Ведь я проводил его почти до дома!

– Вот именно, что почти, – заметил Наполеонов.

– Там осталось два шага шагнуть.

– Ну, допустим, не два, а больше.

– Какой там больше! До дома Лёнчика было рукой подать!

– Хорошо, не будем спорить. Только скажите, почему вы не проводили его до подъезда?

– Так не разрешил он!

– Почему?

– По глупости! Боится, что кто-то увидит, что его, такого большого мальчика, провожают.

– И что?

– Ничего! – нетерпеливо отмахнулся Весельчаков. – Подростковая психология. А я старый осёл!

– По-моему, вы льстите себе, – улыбнулся Наполеонов, наблюдая за самобичеванием собеседника.

– Это ещё почему? – насторожился мужчина.

– Потому, что осёл – это счастливое животное.

– Скажете тоже, – фыркнул Весельчаков.

– А вот и не скажите, – бодро произнёс следователь, радуясь тому, что разрядил накалившуюся обстановку. – Как сейчас помню слова старого шута Фрёлиха из книги Юзефа Крашевского «Графиня Козель»: «Мяса ослиного не едят, толстая шкура отлично защищает от побоев, а когда длинноухому вздумается запеть, все разбегаются в разные стороны, и он наслаждается покоем. И к тому же он неприхотлив, может даже старой метлой прокормиться. Разве есть на свете более счастливое существо?»

– Если только с этой точки зрения, – улыбнулся Весельчаков не столько от слов следователя, сколько от сознания того, что с Лёнчиком ничего не случилось. В

душе он поклялся себе, что теперь упрямство парня не мешает ему провожать его в случае необходимости до квартиры.

– Геннадий Иванович, – сказал следователь, – теперь, когда вы больше не волнуетесь о Федотове, постарайтесь вернуться мысленно в тот поздний вечер.

– Это не трудно, – отозвался мужчина.

– Тогда расскажите мне обо всём, что тогда произошло.

– Так ведь и рассказывать-то нечего. Дети и я вместе с ними увлеклись, они готовились к олимпиаде. Когда посмотрели на часы, испугались, так много было времени.

– Разве родители Федотова не звонят вам, если сын задерживается?

– У Лёнчика только мама. Она за день так наработается, что с ног валится. И потом она знает, что всегда может положиться на меня.

– То есть Лёнчик не первый раз задерживался у вас допоздна, – скорее констатировал, чем спросил Наполеонов.

– Не первый, – подтвердил Весельчаков, – но так поздно он домой ещё ни разу не отправлялся.

– Почему же вы не оставили его ночевать у себя?

– Потому, что он не хочет. И я, и моя жена предлагаем ему это всякий раз. Но этот упрямец...

– Кажется, юный ослик идёт по стопам будущего тестя, – не удержался Наполеонов, чтобы не подколоть Весельчакова.

– Это ещё бабушка надвое сказала, – улыбнулся мужчина. Но по его улыбке следователь догадался, что Геннадий Иванович против кандидатуры Лёнчика возражений не имеет.

Мужчина подтвердил его предположения, что Лёня башковитый парень. Далеко пойдёт.

– Это всё хорошо, – проговорил Наполеонов, – но вернёмся к интересующему следствие вопросу.

– Спрашивайте.

– Расставшись с Лёнчиком, вы сразу отправились домой?

– Помилуйте, куда же можно ещё идти в такой поздний час.

– Мало ли, – неопределённо отозвался следователь.

– Домой!

– Каким путём вы шли?

– Сначала между домами, потом мимо банка, супермаркета, перешёл дорогу и мимо почты наискосок к своему дому.

– Вы шли минут двадцать?

– Меньше. Я шёл быстрым шагом.

– Геннадий Иванович, у вас есть машина?

– Что за вопрос? – приподнял брови Весельчаков.

– И всё-таки.

– Конечно, есть! Вы разве не видели, что я и сюда на ней приехал?

Следователь улыбнулся. А потом, стерев с лица улыбку, спросил:

– Почему же вы не подвезли парня до дома на машине?

– Потому, что тут идти всего ничего. Мы и так весь день сиднем сидим, хоть вечером перед сном пройтись.

– Мне показалось, – проговорил Наполеонов вкрадчивым голосом, – что у вас на пути были по крайней мере две камеры видеонаблюдения.

– Я не обращал внимания, – ответил Весельчаков, – но на банке и супермаркете они точно есть.

– Вы ничего не видели и не слышали, когда отправились в обратный путь?

– В том-то и дело, что ничего, – сокрушённо вздохнул мужчина.

– Может быть, кто-то бежал или шёл слишком быстрым шагом?

– Бежать никто не бежал. Собственно и прохожих не было. Люди мне встретились только возле супермаркета.

– А возле банка?

– Банк был уже закрыт.

– Точно, – кивнул Наполеонов.

Мужчины помолчали. Потом следователь проговорил задумчиво:

– Я грешным делом подумал, что Федотов позвонит вам и поделится своими ночными приключениями.

– Нет, – покачал головой Весельчаков, – он мне не звонил. Скорее всего, постеснялся или не хотел волновать. Вы поймите, мы с ним ещё не настолько близки, чтобы он делился со мной своими переживаниями.

– Я понимаю, – сказал Наполеонов, – но и вы меня поймите, надежда, как говорится, умирает последней. Для следствия важна любая, даже самая незначительная зацепка. – Следователь стал подниматься из-за стола. – Я оставлю вам свою визитку, если вдруг Федотов что-то вспомнит и поделится с вами, позвоните мне, пожалуйста.

– Обязательно, – заверил Весельчаков и накрыл ладонью пластиковый прямоугольник, оставленный Наполеоновым на столе.

Выйдя из дверей кафе, Шура сразу же поднял воротник и заспешил на стоянку к своему автомобилю, холодный ветер ударил ему в спину и заставил прибавить скорость. «Ну и погодка», – проворчал про себя Наполеонов. Уже сидя в салоне своей «Лады Калины», следователь с грустью подумал о том, что встреча с Весельчаковым ничего не дала. У него сложилось впечатление, что Геннадий Иванович был с ним искренен и на самом деле не видел и не слышал ничего подозрительного. Из этого можно сделать только один вывод – преступник побежал в противоположную сторону.

Славин сделал копии со всех обнаруженных им камер, но после их просмотра сотрудники не увидели на них ни одного человека, проходившего во время, интересующее следствие. Убийца как в воду канул или прошёл, минуя камеры. К сожалению, их в городе не так уж много, особенно в районах с домами старой застройки.

Глава 5

Доехав до интересующей его улицы, следователь притормозил и набрал номер мобильного Раисы Левченко – подруги Нины Авдеевой. Ирина Константиновна Захарьина, соседка убитой, адреса Левченко не знала, но сотрудникам полиции не составило труда выяснить его, зная номер телефона. Наполеонов мог сразу поехать по адресу, но решил сначала позвонить.

Трубку долго не брали, потом сонный женский голос пробубнил:

– Кто это?

«Неужели дамочка ещё до сих пор валяется в постели?» – удивлённо подумал он про себя, в трубку же проговорил:

– Вас беспокоят из следственного комитета.

– Откуда? – переспросила она. – Шутники хреновы! – и отключилась.

Наполеонов прислушался к коротким гудкам, выругался и снова набрал телефон Левченко.

– Я сейчас полицию вызову! – пригрозила ожившая трубка.

Наполеонов хотел спросить, куда именно она собирается вызвать полицию, но вместо этого проговорил:

– Не стоит беспокоиться, полиция уже едет к вам! Вы дома, Раиса Владимировна?

– Где же я ещё, по-вашему, могу быть? – напустилась на него трубка.

– Например, на работе.

– Я временно безработная. А вы что, на самом деле из полиции или прикалываетесь?

– Я из следственного комитета. Через пятнадцать минут буду у вас.

– Я не одета, – вскрикнула трубка испуганно.

– Оденьтесь, – посоветовал Наполеонов и отключился.

Через пятнадцать минут он действительно звонил в дверь квартиры Левченко. Почти минуту за дверью стояла тишина, потом послышалось шлёпанье босых ног, женский голос спросил:

– Кто там?

– Следователь, Александр Романович Наполеонов.

– Вы всё-таки пришли? – удивилась женщина и приоткрыла дверь.

Наполеонов развернул своё удостоверение.

На женщине был розовый полупрозрачный халатик, который почти ничего не скрывал из её прелестей.

– Заходите, – сказала она, распахивая дверь.

Наполеонов проскользнул бочком, чертыхнулся про себя и, надев бахилы, потопал за хозяйкой. Она привела его в небольшую гостиную, заставленную мягкой мебелью. Возле стены стояли горка, телевизор и закрытый шкаф, а у окна круглый стол в окружении четырёх стульев.

Хозяйка села на диван и похлопала рукой по месту рядом с собой, приглашая присесть Наполеонова. Но следователь взял стул и сел на него.

– Раиса Владимировна, – решил сразу приступить к делу Наполеонов.

Но женщина перебила его:

– Лучше просто Рая.

– Хорошо, Рая, – не стал спорить он. – Вы знакомы с Ниной Авдеевой?

– С Нинкой? – удивилась женщина. – Конечно. Кстати, – задумчиво добавила она, – что-то Нина мне долго не звонит.

– А вы ей?

– Я собиралась позвонить сегодня. Позавчера и вчера мне было некогда. Но пропущенных звонков от Нины не было. Это так не похоже на неё.

– Вы часто созванивались?

– Практически каждый день.

– Тогда вынужден вас огорчить.

– Чем?

– Нина Авдеева вам больше не позвонит.

– Это ещё почему? – капризно изогнула бровь Раиса Левченко.

– Её убили.

– Что значит убили? Как то есть убили?! – переполошилась женщина. – Вы, должно быть, шутите!

– Разве такими вещами шутят? – спросил следователь.

– Нет, – растерянно ответила она, сжала виски руками, – но я не могу в это поверить.

– К сожалению, придётся.

– Её убил Миша? – спросила женщина и посмотрела на Наполеонова широко распахнувшимися глазами.

– Миша? – переспросил следователь. – Какой Миша? – Наполеонов сделал вид, что не понял.

– Миша, Михаил Сергеевич Авдеев, – безжизненным голосом проговорила Раиса Левченко, – Нинин муж.

– Почему вы решили, что это сделал он?

– Так больше некому, – повела поникшими плечами женщина.

– Ваша подруга часто ссорилась с мужем?

– Ссорилась – мягко сказано, – прошелестели губы Левченко.

– То есть скандалили?

– Можно сказать и так.

– Что же было причиной скандалов?

– Мишкин характер! – неожиданно злобно прошипела Раиса.

И Наполеонов буквально отпрянул от неё, как от ядовитой змеи. Потом опомнился, потёр тыльной стороной ладони лоб и спросил:

– И чем же так плох характер Авдеева?

– Если бы вы знали, какой он ревнивец и скупердяй, вы бы не спрашивали!

– Он что, держал вашу подругу впроголодь?

– Нет, до этого дело не доходило, – скептически улыбнулась женщина. – Но в расходах он Нину ограничивал, а в последнее время ещё и контролировать её начал.

– Следил, что ли, за ней? – спросил Наполеонов.

– Этого я не знаю.

– Подруга не говорила вам об этом?

– Нет, слезки за собой Нина не чувствовала.

– В чём же заключался контроль?

– В чём, в чём, – сердито ответила Раиса, – он стал требовать, чтобы она сохраняла чеки на покупки.

– Так, может быть, ваша подруга была склонна к безудержному мотовству? – закинул удочку следователь.

– Вы хотите знать, не была ли Нина мотовкой? – не скрывая сарказма, спросила Раиса.

– Что-то в этом роде.

– Вы лучше мне скажите, какая настоящая женщина не является мотовкой? – бросилась в неожиданную атаку Левченко. – Вы хоть одну знаете такую?

– И даже не одну, – ответил следователь.

– Значит, все эти ваши знакомые не настоящие женщины, – безапелляционно заявила Раиса.

– Это как посмотреть, – не согласился Наполеонов, который терпеть не мог любительниц шопинга на чужие деньги. Поэтому спросил: – А вы, Раиса, где сами работаете?

– Я уже говорила вам, что я временно безработная! – возмутилась Левченко.

– Временно это сколько? – решил уточнить следователь.

– Я не помню! И вообще я нездорова!

– Чем же вы больны?

– Меня часто мучает мигрень. Вот и сегодня, – начала она, но, увидев кислое выражение его лица, продолжать не стала.

Между тем Наполеонов подумал: «Мигрень, работать лень! Лучшее лекарство хороший ремень».

Вслух же он спросил:

– На что же вы живёте?

– Это не ваше дело! – отрезала Раиса.

– И впрямь не моё, – согласился Наполеонов и от всей души пожалел, что в наше время упразднён закон о привлечении к ответственности за тунеядство.

– Вы задержали его? – между тем спросила женщина.

– Кого?

– Мужа Нины!

– Михаил Авдеев в командировке.

– Кто это вам сказал? – презрительно фыркнула она.

– Соседи.

– Соседи, – передразнила Раиса и посоветовала: – Вы лучше съездите к нему в фирму и расспросите сотрудников.

– Съездим и расспросим, – покладисто согласился следователь и вернулся к вопросу, который его интересовал: – Вы сказали, что муж вашей подруги был ревнивцем.

– Почему был? Он и есть!

– Хорошо, есть. Но с чего вы взяли, что он вообще её ревновал?

– Так Нинка постоянно жаловалась! Синяки мне показывала!

– Вы хотите сказать, что Авдеев бил вашу подругу?

– Не просто бил, а колотил!

«Странно, – подумал Наполеонов, судмедэксперт в своём заключении и словом не обмолвился ни о каких синяках».

– Вы уверены? – спросил он Левченко.

– Ещё бы! Я своими глазами видела! – Женщина выразительно потыкала пальцами в свои глаза.

– У Авдеева были причины ревновать вашу подругу?

– Абсолютно никаких! – уверенно заявила Левченко.

– Очень интересно, – задумчиво проговорил следователь, – почему же ваша подруга не подавала на развод?

– А жить на что? – вопросом на вопрос ответила Левченко.

– Как на что? – удивился Наполеонов. – Ваша подруга была молодой, здоровой женщиной и могла бы найти себе работу.

– Трудом праведным не наживёшь палаты каменные, – процедила сквозь зубы Раиса.

– Я, кажется, вас не понял.

– Что тут понимать? Нина не привыкла горбатиться с утра до ночи!

– Почему именно горбатиться?

– Потому! Что столько денег, сколько нужно молодой женщине для поддержания своей красоты, ни на какой работе не заработаешь! А в совет директоров «Газпрома» нас с Нинкой никто не позвал.

– Понятно, – кивнул Наполеонов, – что ничего не понятно. Насколько я знаю, Михаил Авдеев к «Газпрому» тоже отношения не имеет, однако содержал две семьи и, как мне кажется, неплохо содержал.

– У Мишки своя фирма! Что вы сравниваете, – она не моргнув глазом упомянула огородный овощ, – с пальцем.

Зато Наполеонов при её словах моргнул и даже дважды. Он всё никак не мог привыкнуть, что с милых женских губ слетают подобные словечки.

«Это всё мама виновата», – с нежностью подумал Наполеонов. Что верно, то верно, знаменитая некогда на весь Союз и даже за его пределами бывшая пианистка, а позднее преподаватель Софья Марковна Наполеонова никогда не употребляла бранных слов и была интеллигенткой старой закалки в хорошем смысле этого слова. Софья Марковна не чуралась никакой работы, нос кверху не задирала, пол мыла и картошку чистила так же виртуозно, как играла на рояле. Из всех видов шопинга, насколько помнил Шура себя в детстве, мать с неудержимой страстью отдавалась одному, а именно покупке книг. Книги покупались не только в книжных магазинах, но и с рук, на рынках, в букинисте. А ещё они с мамой собирали макулатуру, за сдачу которой тоже полагалась книга.

Наполеонов мотнул головой, отгоняя от себя воспоминания, и спросил:

– Правильно ли я вас понял, Раиса, что ваша подруга ради тряпок готова была терпеть побои.

– Много вы понимаете, ради тряпок, – процедила она презрительно, – ради хорошей жизни!

Следователь уже уяснил для себя, что понимания о том, что представляет собой хорошая жизнь, у них со свидетельницей кардинально разные.

– Хорошо, я понял, – кивнул Наполеонов, – Нина Авдеева держалась за мужа из-за денег, но почему он не разводился с ней?

– Не знаю.

- Чем занималась Нина Авдеева до замужества?
- Мы обе работали в фирме по распространению косметики.
- То есть ходили по квартирам и офисам и навязывали левый товар?
- Почему левый?! – обиделась Левченко. – Мы продавали хорошую косметику. У нас были постоянные клиенты.
- Вы хорошо зарабатывали?
- Неплохо.
- Авдеева уволилась, потому что вышла замуж. Почему ушли с работы вы?
- Одной ходить по людям некомфортно.

Наполеонов подозревал, что она кривит душой, так как сам не раз сталкивался с сетевиками, которые ходили со своим товаром поодиночке, но всё-таки допускал, что женщина говорит правду. Поэтому, решив не цепляться к её словам, он проговорил:

- Сейчас мы разговаривали с вами без протокола. Но вполне возможно, что вам придётся прийти в следственный комитет и дать официальные показания. При этом вы должны помнить, что за ложные показания полагается наказание.
- Очень мне нужно врать! – скорчила она презрительную гримаску. – И вообще, я не обязана приходить в ваш следственный кабинет!
- Обязаны. Вам пришлют повестку. Если вы не придёте, вас приведут.
- Сатрапы!

Наполеонов пропустил мимо ушей ругательство Левченко и покинул, не прощаясь, её квартиру.

Девушка не вызывала у него ничего, кроме отвращения, но следователь должен уметь работать с любыми свидетелями вне зависимости от того, какие чувства от общения с ними он испытывает.

Не успел Наполеонов высунуть нос из подъезда Левченко, как в лицо ему ударил порыв ветра с дождём, смешанным со снегом.

– Только этого ещё не хватало, – пробормотал следователь себе под нос и бегом кинулся к своей машине. Выехав со двора, он сразу же позвонил судмедэксперту и, едва тот взял трубку, накинулся на него: – Зуфар Раисович, ты чего же это в заключении ни словом не обмолвился о следах побоев на теле Нины Авдеевой?

– Потому и не обмолвился, – спокойно парировал Илинханов, – что их там не было, а заниматься приписками я не приучен! И вообще морг – это не место для фантазий!

– Так ты хочешь сказать, что муж не бил Авдееву?

– Я и говорю тебе русским языком, что её никто не бил! По крайней мере, в последнее время!

– Вот тебе бабушка и Юрьев день! – вырвалось у Наполеонова.

– Кто тебе вообще сказал, что её били?

– Свидетельница. Подруга убитой.

– Скорее всего это её выдумки или домыслы.

– Вы так думаете? – ещё раз попытался уточнить следователь.

– Я сказал тебе своё мнение! – отрезал Илинханов.

– Извини, Зуфар Раисович, – вздохнул Наполеонов.

– Ничего, бывает, – благодушно отозвался судмедэксперт, – а если хочешь, – пошутил он, – приводи сюда свою свидетельницу, мыотрежем у неё кусочек языка и исследуем его на склонность к болтливости.

– Скажешь тоже, – отмахнулся следователь, – нам с тобой, боюсь, тогда отрежут не язык, а самое ценное для нас мужчин место.

– Ты, конечно, имеешь в виду голову, – Илинханов рассмеялся и отключился.

«Так, – подумал Наполеонов, – о побоях свидетельница наврала. Но то, что супруги Авдеевы ссорились, подтвердила не только Левченко, но и соседи. Пусть до рукоприкладства дело и не доходило, но терпение у мужа могло закончиться, и он захотел решить вопрос кардинально. Тем более что, судя по всему, давать мужу развод Нина Авдеева отказывалась. А делить с ней нажитое своим трудом Михаил Авдеев, надо думать, не хотел. А как говорил «мудрый вождь» – нет человека, нет проблемы. Что тут думать, – одёрнул Наполеонов сам себя, – надо ехать к Авдееву на работу и выяснять, куда уехал, когда, зачем и уехал ли вообще».

Глава 6

Наполеонов тронул свою машину с места. И белая «Лада Калина» поплыла белым лебедем по дороге, залитой дождём. Наполеонов почувствовал укол совести: вот он сидит в тепле и уюте, а его «девочка» отдувается за двоих. «Бедная моя», – подумал он о своей машине и, погладив руль, включил «дворники».

Фирма Михаила Сергеевича Авдеева располагалась в четырёхэтажном здании из красного кирпича на четвёртом этаже. Чтобы попасть в неё, Наполеонову пришлось предъявить своё удостоверение бдительному охраннику.

Поднявшись без лифта на четвёртый этаж, Наполеонов увидел, что лестница разделяет коридор на два крыла.

– Направо пойдёшь, – пробубнил он себе под нос, посмотрел налево, но в итоге пошёл всё-таки направо. И не ошибся, фирма Авдеева занимала именно это крыло. Дойдя до двери с надписью «приёмная начальника», он постучал и открыл дверь. Вошёл и удивлённо вытаращил глаза на парня, сидевшего за столом с компьютером.

– Мне нужен секретарь, – громко объявил следователь.

– Я секретарь, – ответил юноша. Наполеонов обратил внимание на его щёки, покрытые лёгким пушком, длинные ресницы и светлые кудри.

«Так, приехали, – подумал следователь про себя, – по всему выходит, что Авдеев ещё и не традиционной ориентации». Вслух он сказал:

– Мне нужен Михаил Сергеевич Авдеев.

Юноша развёл ухоженными руками:

– К сожалению, ничем не могу вам помочь, Михаил Сергеевич отсутствует.

– Что значит отсутствует? – рявкнул Наполеонов, пересёк решительным шагом расстояние, отделявшее его от стола секретаря, и сунул под нос юноше удостоверение: – Старший следователь по особо важным делам Александр Романович Наполеонов.

Молодой человек от неожиданности подпрыгнул на своём вращающемся кресле и поднял на Наполеонова глаза изумительно-голубого цвета.

– Следователь? – удивлённо пролепетал он.

– Следователь, следователь, – закивал удовлетворённый его реакцией Наполеонов. – Так где ваш начальник?

– Я не знаю, – пролепетал юноша.

– Имя, отчество, фамилия?

– Михаил Сергеевич Авдеев.

– Не начальника, а ваши! – повысил голос следователь.

– Лаврентий Витальевич Шелестов.

– Вы кем ему приходитесь?

– Кому ему? – окончательно растерялся юноша.

– Авдееву.

– Никем! Я его секретарь.

– Так разве в обязанности секретаря не входит знание того, где в данный момент находится его начальник?

– Не входит, – обиженно отозвался Лаврентий. – Михаил Сергеевич сказал, что он решил отдохнуть, и взял как бы за свой счёт недельку отпуска.

– Как бы? – переспросил Наполеонов. – Сам у себя?

Лаврентий кивнул.

– Значит, он не в командировке?

– Нет. Откуда вы это взяли?

– Оттуда! – отрезал следователь. Потом снизошёл до объяснения: – Авдеев сам сказал это своим соседям.

– Мало ли что человек может сказать своим соседям, чтобы они от него отстали.

«Молодой, да ранний», – подумал Наполеонов и спросил:

– Взрослые дома есть?

– Что? – открыл рот Лаврентий.

– Я имею в виду, кто у вас тут во время отсутствия начальника за старшего?

– Лидия Васильевна Гаврюшина.

– Она зам Авдеева?

– Нет, бухгалтер. Зам Иван Петрович Устюгов.

– Так почему же ты меня посылаешь не по адресу?

– Я вас никуда не посылаю, – насупился Лаврентий. – Если вам нужен Иван Петрович, то и идите к нему, выйдете отсюда и следующая дверь его. На табличке написано – заместитель начальника И. П. Устюгов, – при этом юноша так посмотрел на следователя, словно спрашивал, умеет ли он читать.

Наполеонов так же взглядом ответил, что умеет, развернулся и вышел. Вслед ему полетел вздох облегчения, вырвавшийся из груди Лаврентия.

«Скажите пожалуйста, какая фря», – подумал Наполеонов прежде, чем постучать в нужную ему дверь.

– Войдите, – пробасили из-за двери.

Войдя, Наполеонов увидел стоящий у окна стол, всем своим видом смахивающий на раритет советских лет. За столом сидел пожилой мужчина. Он ласково кивнул вошедшему, но вставать не стал.

Следователь подошёл к нему сам и предъявил документ. Мужчина внимательно прочитал его и спросил:

– И чего же вы от меня хотите, уважаемый Александр Романович?

– От вас, Иван Петрович, ничего, – едва заметная улыбка коснулась губ следователя, – я хотел бы поговорить с вашим начальником.

– Так Михаила Сергеевича нет сегодня на рабочем месте, разве Лаврентий не сказал вам?

Наполеонов пропустил вопрос Устюгова мимо ушей и спросил:

– А где же он?

– Он начальник и нам о своём местонахождении не докладывает.

– Как же так? – Наполеонов сделал вид, что страшно удивился: – А вдруг он срочно потребуется для решения производственных вопросов.

– Лидия Васильевна сама справится с любыми производственными вопросами, – ответил благодушный заместитель начальника.

«Опять эта Лидия Васильевна», – сердито подумал Наполеонов и спросил:

– А разве не вы являетесь заместителем Авдеева?

– Являюсь, но номинально, – улыбнулся мужчина.

– Что значит номинально? – сдвинул брови Наполеонов.

– А то и значит, – ответил Устюгов, – что я не сегодня завтра на пенсию уйду и все дела передаю Лидочке.

– Лидочке?

– Лидии Васильевне Гаврюшиной.

– Той, которая в вашей фирме бухгалтером подвизается?

– Не подвизается, а работает, – благодушие в одно мгновение слетело с Устюгова, – Лидия Васильевна толковый и перспективный специалист! И фирма эта не моя, как вы изволили высказаться, а Михаила Сергеевича Авдеева.

– Который отсутствует.

– И что с того?

– Ничего. У него жену убили.

– Что? – Устюгов жадно заглотнул воздух ртом, схватился за сердце и стал сползать со стула.

– Лаврентий! – дурным голосом закричал Наполеонов и бросился к Устюгову. – «Скорую»! – крикнул он мгновенно прибежавшему юноше.

– Не надо «Скорую», – прохрипел Устюгов, – таблетка у меня в кармане.

Наполеонов достал таблетку, а Лаврентий уже стоял рядом со стаканом воды.

– Что вы с ним сделали? – прошипел он сердито в ухо Наполеонову.

– Ничего, – ответил тот так же шёпотом, – просто сказал, что убили жену Авдеева.

Стакан из рук Лаврентия полетел вниз и разбился вдребезги.

– Какие все нервные! – вырвалось у Наполеонова, про себя он подумал: «Хорошо хоть зам успел таблетку запить».

– Я сейчас всё уберу, – пролепетал юноша.

– Да уж, будь так добр, дружок, но сначала позови эту вашу всемогущую Лидию Васильевну.

– Сейчас! – Лаврентий опрометью вынесся из кабинета заместителя.

– Да не волнуйтесь вы так, – раздался голос Ивана Петровича, – мне уже значительно лучше.

– Слава тебе господи! – вырвалось у следователя. – А то меня самого чуть кондрашка нехватила.

– Молоды вы ещё для этого, – сказал Устюгов.

– Молоды, не молоды, – проворчал Наполеонов, – зачем же так пугать человека?

– Это вы меня, голубчик, напугали, вернее, даже ошарашили.

– Извините, я не хотел.

– Чего уж теперь там, рассказывайте, – взмахнул рукой Устюгов.

– Я вообще-то привык не рассказывать, а спрашивать, – Наполеонов покосился на зама, как бы для того, чтобы удостовериться, что он в порядке.

– Можно иногда и отойти от своих установок, – заметил мужчина.

– Вы лучше скажите мне, Иван Петрович, почему вы решили уволиться? У вас конфликт с Авдеевым?

– Помилуй боже! – замахал на него обеими руками зам. – Мне семьдесят восемь лет! Сколько я могу ещё работать?

– Вам семьдесят восемь? – не смог скрыть своего удивления Наполеонов.

– Представьте себе, молодой человек.

– Тогда вам терять нечего, – ляпнул следователь.

– Это вы о чём? – спросил Устюгов.

– О том, что в вашем возрасте лгать уже ни к чему.

– Склонность ко лжи зависит не от возраста, – наставительно проговорил зам, – а от характера, если хотите, от воспитания.

– Вынужден с вами согласиться, – развёл руками Наполеонов и спросил: – Вот вы и скажите мне, были ли у вашего шефа проблемы с женой?

В это время в дверях появилась полноватая женщина лет тридцати пяти. Из-за её плеча выглядывал Лаврентий.

– Вот он! – сказал юноша и наставил на Наполеонова указательный палец.

– Сама вижу, – легко отмахнулась женщина и обратилась к следователю: – Это вы, значит, нашего Ивана Петровича чуть на тот свет не отправили?

– Я, – покаянно склонил голову Наполеонов.

– Лида, он не виноват, – вступился за следователя Устюгов. – Он же не знал, что у меня сердце слабое.

– Мог бы догадаться, – сердито проговорила женщина, – видно же, что вы уже не мальчик.

– Ну, ну, Лидуся! – шутливо погрозил ей пальцем Устюгов. – Я ещё о-го-го!

Лидуся вошла в кабинет зама, взяла стул с высокой спинкой и села. Лаврентий примостился на подоконнике позади зама.

– Я Лидия Васильевна Гаврюшина, – заявила женщина.

– Об этом я уже и сам догадался.

– Как же это, позвольте вас спросить.

– Очень просто! Здесь даже стены с трепетом произносят ваше имя.

Её губы дрогнули в невольной улыбке, но она тотчас прогнала её и стала выглядеть ещё суровее, точно устыдившись своей минутной слабости.

– Может быть, вы представитесь? – в голосе дамы следователь расслышал плохо скрытый сарказм.

– С удовольствием, – ответил Наполеонов, – следователь по особо важным делам, Александр Романович Наполеонов. – Он протянул ей удостоверение.

Она долго его рассматривала. У него сложилось такое впечатление, что Лидуся его сейчас обнюхает со всех сторон и попробует на зуб.

Но она воздержалась, вернула документ Наполеонову и спросила:

– И какое же особо важное дело привело вас к нам?

Наполеонов взял точно такой же стул, как тот, на котором сидела она, поставил его напротив женщины, сел и сообщил:

– Позавчера поздним вечером убита жена вашего шефа – Нина Харитоновна Авдеева.

– Ясно, – сказала женщина, и по её лицу не было заметно, чтобы она была расстроена этим известием.

– Вашего шефа нет дома.

Она кивнула:

– Он, наверное, уехал куда-нибудь отдохнуть на несколько дней.

– Без жены? – спросил Наполеонов.

– Без, – ответила Лидия Васильевна, и по её лицу следователю стало понятно, что отдохнуть Авдеев уехал как раз таки от своей жены.

– Может быть, вы можете как-нибудь с ним связаться?

Вместо ответа она спросила:

– Телефон жены Михаила Сергеевича у вас?

– У нас.

– Там есть номер его телефона.

– Мы нашли его, но абонент не в сети.

– Вот видите, – сказала Гаврюшина, – чем же я могу вам помочь?

– Мы надеялись, что для связи с фирмой у вашего шефа имеется второй телефон.

– Нет, Авдеев обходится одним телефоном.

– Мне, конечно, уже объяснили, что вы здесь лицо уполномоченное и незаменимое, но всё-таки ведь может возникнуть вопрос, который без шефа решить нельзя.

– Таких вопросов возникнуть не может, – отрезала женщина.

– Вы хотя бы можете предположить, где он может быть?

– Где-нибудь на природе.

– В тайге в компании с медведями? – насмешливо спросил следователь.

– Нет, не в тайге.

– Так где же?!

– Скорее всего, где-то в нашей области.

«Тоже мне железная леди выискалась! Ёшкин кот», – подумал про себя рассердившийся следователь, а вслух произнёс бесстрастно:

– Что же, придётся объявить вашего начальника в федеральный розыск.

– Не надо в федеральный розыск! – переполошился Устюгов и бросил умоляющий взгляд на Лидию Васильевну.

– Вот именно, не надо! – проговорила Гаврюшина веско. – Не смешите людей! Михаил Сергеевич скоро будет дома.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно, – заверила она.

– Хорошо, так и быть, – согласился следователь, – подожду до утра. А там уж не обессудьте, – он театрально развёл руками.

Лидуся метнула в него взгляд, подобный молнии Зевса, но не произнесла ни слова.

Наполеонов был уверен, что у дамы, готовящейся стать замом Авдеева, имеется дополнительный канал связи с начальником. Но не на дыбу же её тащить. К тому же он был уверен, что она свяжется с Авдеевым, как только он покинет их контору.

Можно, конечно, поставить телефон Гаврюшиной на прослушку, но для этого нужно разрешение. «Ох уж эта рутинная тягомотина», – подумал следователь про себя и решил откланяться.

Лидия Васильевна демонстративно покинула кабинет зама, Лаврентий увязался за ней.

Устюгов вызвался его проводить. Когда они оказались вдвоём на лестнице, следователь спросил:

– Иван Петрович, вы не знаете, откуда могла так поздно возвращаться Нина Авдеева?

– Понятия не имею, – ответил зам и спрятал глаза.

– Иван Петрович, это очень важно.

– Я правда не знаю.

– А что знаете?

– Наверняка не знаю ничего, но догадываюсь, что теперешняя жена Миши была шалавой.

– В каком смысле? – Наполеонов замер на месте.

– В обычном, в бытовом.

– То есть у неё были другие мужчины?

– Скорее всего, но утверждать на сто процентов не берусь.

– Понимаю, – сказал Наполеонов, – она вам не нравилась.

– Не нравилась, – не стал отрицать Устюгов.

– А кто вам нравился?

– Лиза.

– Лиза, – это первая жена вашего шефа?

– Да.

– Вы не знаете, почему они разошлись?

– Почему, почему, – сердито проговорил зам. – Моча Мишке в голову ударила! Вот и разошлись! Неужели не понятно? Соблазнила его эта вертихвостка!

– Авдеев думал о разводе со второй женой? – быстро спросил следователь.

– Не знаю! Я к нему в голову не забирался.

– Вы не думаете, что Михаил Сергеевич мог...

– Не думаю! – резко оборвал его Устюгов.

– Вы не дослушали.

– Мне и дослушивать не нужно! Не первый год на свете живу! Книжки читаю, кино смотрю! Как у вас там говорят, ищи, кому выгодно!

– А что, разве Авдееву не выгодна была смерть его жены?

– Не такой Миша человек, чтобы убивать! Он бы нашёл способ, как развязать узел. И не стал бы рубить плеча.

– А первая жена Михаила Сергеевича могла желать смерти его второй жены?

– Да вы с ума сошли! – Устюгов отшатнулся от Наполеонова, как от прокажённого. – Нет, такое подумать на Лизу! – возмущённо проговорил он.

– Я же с ней не знаком. – Увидев, что лицо Ивана Петровича напряглось и покраснело, Наполеонов быстро пошёл на попятную: – Беру свои слова назад, только не нервничайте вы так, Иван Петрович!

Устюгов ничего не ответил.

– Лидии Васильевне вторая жена шефа тоже не нравилась? – спросил следователь.

- Она никому не нравилась.
- По-моему, вы преувеличиваете.
- Я имею в виду сотрудников нашей фирмы.
- Кстати, о сотрудниках, - подхватил Наполеонов. - Как к вам попал Лаврентий?
- Лаврентий - внук старинного друга отца Михаила Сергеевича.
- Так он не голубой? - вырвалось у Наполеонова.
- Да вы с ума сошли, молодой человек! - возмущённо проговорил Устюгов.
- Прошу прощения. Просто юноша весь из себя такой манерный.
- Вам показалось. Лаврентий учится в университете, в нашей фирме он набирается опыта.
- То есть после института он, - Наполеонов дунул на ладонь, делая вид, что отпускает птицу, - улетит?
- Не думаю, - сказал зам. - Вероятнее всего, останется работать у нас.
- «Сам на пенсию собрался, - с улыбкой подумал следователь, - а всё туда же - у нас».
- Конечно, не секретарём, - закончил свою мысль Устюгов.
- Что, тоже перспективный, как и эта железная леди? - Наполеонов кивнул в сторону оставшейся позади фирмы Авдеева.
- Вы зря ёрничаете, молодой человек, Лидия умная, хваткая и упорная. К тому же она человек порядочный, что в наше время представляет большую ценность.
- То есть Лидия Васильевна хороший человек, правильно я вас понял?

– Правильно.

– А я слышал, что хороший человек не профессия.

– Мало ли что вы слышали. Порядочность, наложенная на деловые качества, в наше время дороже золота.

– Ладно, я всё понял. Извините, если что не так. И спасибо за то, что проводили.

– Вы бы и сами не заблудились, – тяжело вздохнул Устюгов. – Я просто хотел донести до вас, что вы не там ищете убийцу Нины Авдеевой. Только боюсь, что вы мне не поверили. – Иван Петрович развернулся и, сделав вид, что не заметил протянутую ему следователем руку, стал подниматься обратно по лестнице.

Наполеонов посмотрел на свою руку нехотя, точно она была механической, опустил её и сказал то ли самому себе, то ли ушедшему Устюгову:

– В жизни бывает по-всякому. И тут ничего не попишешь, главный подозреваемый всегда муж жертвы. Прости, дед.

На следующий день рано утром Михаил Сергеевич Авдеев появился у себя дома и был задержан полицией.

Узнав о смерти жены, он не забился в истерике. И вообще создавалось такое впечатление, что он уже знал о том, что его жена убита. У Наполеонова на этот счёт было два варианта – либо Авдеев сам убил свою жену, тогда и удивляться ему было нечему, либо его проинформировала железная леди по имени Лида.

На вопрос, где он был всё это время, Авдеев ответил:

– В лесу.

– И что вы там делали? – спросил Наполеонов.

– Отдыхал.

– Март же! Там, поди, снегу по уши!

– И что? Я на лыжах ходил. Рыбачил.

– А ночевали где?

– В домике.

– Вас кто-то видел?

– Белки, зайцы и птицы.

– Ага! Вот мы их сейчас на допрос и вызовем, они быстренько подтвердят ваше алиби.

– Нет у меня алиби! – сердито выдохнул Авдеев.

– То-то и оно.

– Я не убивал Нину!

– Разберёмся.

После этого Авдеев замкнулся и не проронил больше ни слова.

– Вам полагается адвокат.

В ответ ни гу-гу.

– Вы что, решили сами себе яму вырыть? – спросил Наполеонов.

Лицо Авдеева осталось непроницаемым.

– У вас есть родственники?

Молчание.

– Можете сделать один звонок, – Наполеонов пододвинул задержанному стационарный телефон.

Авдеев подумал, потом снял трубку, набрал номер. Когда на том конце провода ему ответили, он проговорил:

– Полина, это я, Миша. Нину убили. Полиция считает, что это сделал я. Но я этого не делал.

На том конце провода женский голос стал что-то быстро говорить, но Авдеев повесил трубку.

– Ну и фрукт же вы, как я погляжу, – проговорил следователь и вызвал конвой: – Увести.

Посидев с минуту неподвижно, следователь выскочил из кабинета, нашел секретаршу:

– Элла, у тебя есть конфетка?

– Конфетка? – растерянno переспросила девушка.

– Или печенье?

– Вафли есть и шоколадка. Александр Романович, вы идите к себе, я сейчас чай сделаю и принесу вам.

– Спасибо, Элла, – с чувством произнёс Наполеонов, – ты человек!

– Точно! – пошутила она. – При моей загруженности на работе превратиться обратно в обезьяну при всём желании не получится.

Глава 7

Владелица частного детективного агентства Мирослава Волгина сидела в гостиной и читала книгу. Время от времени она отрывала взгляд от страниц и смотрела на огонь в камине. Несмотря на пришедший март, морозы пока и не думали отступать. Коттедж, конечно, отапливался газом, а живой огонь в камине был чем-то вроде приручённого дикого зверя для улады души и глаз.

Кроме газа и камина согревала сердце мысль о том, что «Март зиму ломает, весне путь очищает».

В гостиную вошёл сотрудник агентства Морис Миндаугас, подошёл к камину, открыл решётку и добавил в огонь можжевелевую ветку. Почти сразу же приятный смолистый аромат стал растекаться по гостиной.

Морис присел на диван рядом с Мирославой и спросил:

– Девушка, разрешите пригласить вас на ужин?

– Попробуйте, юноша, – улыбнулась она. И отложила книгу, которую читала.

Кот Дон запрыгнул на спинку дивана, прошёл до того места, где они сидели, и стал спускаться по ней, как по скале, вниз на сиденье, не забывая ввинчиваться между Морисом и Мирославой.

– По-моему, этот усатый джентльмен решил отбить у меня девушку, – улыбнулся Морис.

– А по-моему, – ответила Мирослава, – этот усатый джентльмен беспокоился, как бы вы не отбили у него хозяйку.

– В таком случае я приглашаю вас на ужин обоих! – Морис подхватил кота на руки и унёс на кухню, где бережно опустил на подоконник. Вскоре перед Доном стояла миска, полная вкусной еды.

Но кот не приступал к трапезе до тех пор, пока хозяева не уселись за стол и не начали есть.

Когда они перешли к чаю, Морис сказал:

– Завтра к десяти утра к нам должна подъехать клиентка.

– Хорошо, – кивнула Мирослава.

– Она напрашивалась на сегодня, но я счёл, что уже поздно. К тому же неизвестно, сколько продлится ваша беседа с ней.

– Ты правильно поступил, – ответила Мирослава. – Она не сказала, что у неё за дело?

– Её брата обвиняют в убийстве жены.

– Это серьёзно.

– Да.

– Может, ей стоило обратиться к адвокату?

– Я так понял, что адвоката она уже наняла. Но женщина уверена, что её брат ни при чём, и хочет, чтобы мы нашли настоящего убийцу.

– Найдём, – ответил Мирослава. – Ты предупредил её, что, если убийцей всё-таки окажется её брат, мы обязаны будем сообщить об этом полиции?

– Да, она ответила, что согласна.

– Что ж, тогда у нас завтра появится новая клиентка.

Наступившее утро разгоралось медленно, можно даже сказать лениво. Солнце то появлялось на небе, то скрывалось за облаками, точно играло в прятки с

глазами людей, смотрящих в небо. Хотя таковых в наше время не так уж много. Большинство смотрят вовсе не на небо, а на экраны своих гаджетов или, если за рулём, в лучшем случае на дорогу.

Без пятнадцати десять раздался звонок, оповещающий детективов, что у ворот посетитель. Морис нажал на автоматическое устройство, и створки ворот начали медленно разъезжаться.

Сам Миндаугас, накинув на плечи куртку, отправился навстречу прибывшему. Вернее, прибывшей. «Мицубиси» салатного цвета въехала на подъездную дорожку и остановилась. Ворота сами собой закрылись.

Морис подошёл к машине и протянул руку выбирающейся из салона женщине.

Она охотно опёрлась на предложенную им руку и представилась:

– Полина Сергеевна Никитина. Я вам звонила вчера.

– Морис Миндаугас, – чуть-чуть склонил он голову. – Мирослава Волгина уже ждёт вас. Пройдёте в дом.

Она уверенно зашагала по дорожке впереди него, предоставив ему возможность оценить стройность её фигуры. Хотя навряд ли она или он думали в эту минуту о таких пустяках.

Оказавшись в прихожей, Никитина остановилась и оглянулась на Мориса, он помог ей снять лёгкую шубку и протянул бахилы. Женщина присела на диванчик и натянула их на свои сапоги. Морис про себя отметил, что каблук на сапогах был небольшим и не острым. То есть о том, что бахилы будут проколоты насквозь, беспокоиться не приходилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/antonova_nataliya/ohota-za-bogatstvom

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)